

ОТ РЕДАКЦИИ

С давних времен русская литература пользовалась большим вниманием в Англии. Свыше двухсот лет тому назад знаменитый английский актер Давид Гаррик писал (3 мая 1778 г.) Е. Р. Дашковой, замечательной русской женщине, общественной деятельнице, стоявшей во главе Академии наук и основанной при ее участии Российской Академии: «Я боюсь, что сбудется пророчество одного из наших поэтов о том, что Россия будет наставницей в искусствах для Британского острова».

Первые отзывы в английской печати о Пушкине (Э. Мортон, А. Грэнвиля, Фрэнкленда, Рэйкса, Бремнера и др.) относятся еще к началу 1820-х годов. В них преимущественно отмечается революционный пафос вольнолюбивой лирики поэта. Первые английские переводы из Пушкина появились в 1827 г. Два года — с августа 1833-го по август 1835-го — прожил в Петербурге литератор Джордж Борро, выдающийся лингвист, переводчик произведений А. С. Пушкина на английский язык, вышедших тогда же в двух книгах. Получив их, Пушкин отблагодарил запиской. Эти книги сохранились в его библиотеке. А когда великий поэт скончался, Борро так откликнулся на эту утрату в письме к другу, жившему в Петербурге: «С печалью услышал я о смерти Пушкина. Поистине это потеря не только для России, но и для всего мира».

Жившие на протяжении ряда лет в Петербурге английские художники — Джордж Дау, создатель «Военной галереи» Зимнего дворца, и его зять Томас Райт — так почитали Пушкина, что каждый из них написал с натуры его портрет. Причем автографу с портрета, исполненного Райтом, поэт предполагал поместить в своем собрании сочинений, которое так и не довелось осуществить.

Спустя два года после гибели М. Ю. Лермонтова, с 1843 г., в Англии все чаще и чаще стали появляться переводы его произведений. А в 1860 г. лондонский общественно-политический и литературно-критический журнал «National Review», желая удовлетворить интерес своих читателей к творчеству Лермонтова, напечатал о нем анонимно обширную статью А. И. Герцена и Мальвиды Мейзенбург (авторство статьи лишь два года назад установлено исследователями). В статье содержалась характеристика личности великого поэта и реалистической направленности его творчества. Так же как и предшествующая статья Герцена и М. Мейзенбург, посвященная Пушкину, очерк о Лермонтове не только внутренне связан с проблематикой и основными положениями работы «О развитии революционных идей в России», но содержит фрагменты из нее. Характеризуя Лермонтова, авторы заключают: «Подобные натуры обычно появляются в периоды упадка устоявшихся форм общественной жизни, в переходное время, когда в обществе господствует скептицизм и нравственное разложение. Кажется, что в такое время в них одних находят убежище чистейшие идеалы человечества; только их устами они провозглашают. Они клеймят пороки общества, обнажая свои собственные раны, ошибки и внутреннюю борьбу, и в то же время они испускают и исцеляют этот прогнивший мир, раскрывая красоту и совершенство человеческой природы, в тайны которой может проникнуть только гений». Сравнивая Лермонтова с Барбье и Байроном, авторы выявляют его самобытность, его устремленность к реализму, который, как они подчеркивают, является важнейшей чертой русской литературы вообще.

В последующие десятилетия переводы стихотворений и поэм Лермонтова неизменно включались в антологии русской и мировой поэзии, выходившие в Англии. Там же было напечатано множество статей о нем, а в 1977 г. в Лондоне появилась книга английского ученого Лоренса Келли «Лермонтов. Трагедия на Кавказе». В этой книге дана высокая оценка его творчества и подробно изложена биография поэта, освещающая главным образом последние годы жизни. «Михаил Лермонтов бескомпромиссно

прожил свою короткую жизнь, — пишет Л. Келли. — Певец свободы — духовной, политической и общественной, (...) он творил так же, как и боролся, преисполненный протеста и гордой независимости. Он победил на обоих фронтах, приобретя сразу блестящую литературную известность.

Замечательно, что английский исследователь рассматривает не только литературные произведения, но и рисунки поэта, которым дает исключительно высокую оценку, сопоставляя Лермонтова-художника с великим Делакруа: «Его рисунки лошадей великолепны и настолько мастерски передают движение, что могли бы соперничать с рисунками Делакруа».

Много сделал для пропаганды русской литературы в Англии Уильям Рольстон (1829—1889). Это было основным делом его жизни. Значительный интерес представляет переписка, которую он вел со своим другом И. С. Тургеневым. К собственным переводам басен И. А. Крылова Рольстон написал предисловие, в котором говорит о нем как писателе, создавшем правдивые картины русской жизни и поднявшем голос протеста против деспотического режима в России.

Огромное признание в конце прошлого и начале нынешнего века получило в Англии творчество Н. В. Гоголя. Когда в 1909 г. Общество любителей российской словесности торжественно отмечало столетие со дня рождения писателя и открытие ему памятника, двадцать два известных английских романиста, драматурга, публициста, литературных критика и переводчика, в числе которых были Джон Голсуорси и Артур Конан-Дойль, писали в своем приветствии:

«Высокая художественность гоголевских произведений делает их ценными для всего мира. Сила его пера в описании современной ему жизни, его сатирический гений и его огромная заслуга как одного из первых обличителей злоупотреблений, связанных с бюрократическим правлением, приобщили его к всемирной литературе и среди европейских писателей завоевали ему почетное место. Но в настоящий момент мы чувствуем его главным образом как истинного основателя всего того, что заключается в словах «русская литература». Эта литература сослужила великую службу России и оказала могучее воздействие на духовный мир всех культурных народов. Позднейшие русские писатели пошли дальше. Влияние таких авторов, как Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов и Горький, стало еще более широким, чем влияние Гоголя, но да будет слава тому пионеру, который мужественно проложил дорогу другим и смело выступил вперед. Гоголь был таким пионером, и наиболее характерные черты русской литературы могут прежде всего быть прослежены в его сочинениях».

Тогда же Британская академия так откликнулась на эти торжества: «Британская академия шлет свои сочувственные приветствия Обществу любителей российской словесности по торжественному случаю открытия памятника Гоголю. Гоголь владел гением юмора и потому мог не только наблюдать и описывать окружающее его общество, но и вызывать в своих повестях и пьесах к сердцам читателей. Поэтическая прелесть «Тараса Бульбы», неподражаемый юмор украинских рассказов, бичующая сатира «Мертвых душ» и «Ревизора» возбуждают наш восторг, хотя мы и не можем наслаждаться чтением самого оригинала во всей его свежести. Мы признаем в Гоголе соратника Стерна, Шеридана и Диккенса, мощного поэта, который сражался своим оружием — горьким смехом — за дело истинного патриотизма и справедливости».

В книге Розы Ньюмарч «Поэзия и прогресс в России», вышедшей в Лондоне в 1907 г., дана восторженная оценка изобразительной силы поэзии Н. А. Некрасова, которого она поставила в ряд «величайших поэтов не только в России, но и во всем мире».

Ф. М. Достоевский — один из самых прославленных русских писателей за рубежом. Его произведения покорили Запад, в том числе и Англию. Вот всего лишь несколько отзывов английских мастеров о Достоевском. В 1911 г. Джон Голсуорси утверждал: «Невозможно себе представить большего фантаста, чем Достоевский, и никто не умел так живо изобразить реальную ситуацию». В своей книге о Достоевском, вышедшей в Лондоне в 1923 г., литературовед Миддлтон Марри писал: «Писатели других народов могут лишь играть у ног таких гигантов, как Толстой и Достоевский». В 1932 г. Бернард Шоу говорил: «В XIX веке в Англии из русских писателей вызыва-

ли сильный интерес сперва Тургенев и Толстой, затем Достоевский и, наконец, Горький и Чехов».

И. С. Тургенев оказал значительное воздействие на английскую литературу. Он был не только русским романистом, которого Оксфордский университет избрал в 1879 г. почетным доктором, но и вообще первым в мире романистом, удостоившимся этой чести. Выступая на торжественной церемонии, профессор Джеймс Брайс сказал о Тургеневе: «Представляю вам мужа, который не уступает никому из выдающихся писателей нашего века, и хотя писал преимущественно прозой, заслуживает имени вдохновенного поэта. Действительно, кто когда-либо лучше выразил нравы, дух, всю жизнь своего народа? Чья речь была прекраснее? Кто с большей силой раскрыл глубочайшие движения души, вызывая слезы, возбуждая гнев и любовь? <...> Поэтому, если мы уверены, что наша Академия создана не только для самой себя, но для всего мира, то признаем этого друга человеческого рода, этого ревнителя свободы своих соплеменников нашим гражданином, предоставим Ивану Сергеевичу Тургеневу степень Доктора гражданского права *honoris causa*».

А когда крупнейшему английскому романисту конца XIX — начала XX в. Арнолду Беннетту было предложено написать статью о двенадцати лучших романах в мировой литературе, он заявил, что эти двенадцать романов написаны русскими, и в их число входят все шесть романов Тургенева — «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь».

В предисловии к своей книге «Очерк русской литературы», вышедшей в Лондоне в 1914 г., М. Бэринг писал о Н. С. Лескове: «У нас нет переводов Салтыкова, величайшего русского сатирика; нет полного перевода Лескова, одного из крупнейших романистов... Лесков давно был известен образованному русскому как писатель первого ранга; все лучшее в его творчестве, которое весьма обширно и неравноценно, содержит несомненные отличительные признаки классика; он стоит рядом с Гоголем и Салтыковым и принадлежит к числу первоклассных романистов. Образованная Россия полностью это осознает. Никто не подвергает сомнению занимаемое им место и не отрицает его высочайший художественный талант, его юмор, его живость, его краски, его сатиру, глубину его чувств, богатство его воображения... Вся Россия читала его, но литературная критика его игнорировала. Это подобно тому, как если бы английская литературная критика игнорировала Диккенса до 1900 года... Подобно Салтыкову, Лесков видел, что происходит в России; обладая острой прозорливостью и наблюдательностью, он понимал зло старых порядков; подобно Салтыкову, он был полон возмущения и, может быть, в большей степени, чем Салтыков, он был полон сострадания... Лесков начинал там, где Салтыков кончал. Подобно Салтыкову и до него Гоголю, старые порядки вызвали у Лескова смех, иногда смех сквозь слезы... Но он не ограничивал себя разрушительной иронией и иссушающей сатирой. Вместе с Писемским, другим писателем первоклассного таланта той эпохи, Лесков был первым русским романистом — уже Грибоедов предвосхитил подобную критику в «Горе от ума» устами Чацкого, который имел мужество критиковать реформаторов, людей нового времени, и его критика была не только отрицательной, но творческой; он понимал, что все должно быть «реформировано целиком»... Его критика либералов была творческой, отнюдь не только разрушающей... Один из шедевров Лескова рассказ «Запечатленный ангел» недавно был переведен на английский язык, но вообще этот писатель принадлежит к числу наиболее трудных для перевода, потому что он является одним из самых самородных, связанных с родиной».

Творчество Л. Н. Толстого не только получило наивысшие оценки в Англии, но и решительным образом повлияло на многих литераторов. Его, как впоследствии А. П. Чехова, сравнивали и продолжают сравнивать с величайшим английским писателем Уильямом Шекспиром. Так, например, романист Джон Голсуорси, на произведение которого наряду с И. С. Тургеневым влиял Л. Н. Толстой, писал 10 мая 1902 г. пропагандистке русской литературы в Англии, переводчице Констанс Гарнетт: «Я склонен думать, что Толстой должен быть поставлен рядом с Шекспиром; его искусство — это не искусство в духе Тургенева, Шекспира, Мопассана, это нечто новое и создает более глубокие свойства самосознания и анализа». Позже тот же Голсуорси

утверждал: «Ни у одного из писателей мы не находим такого непосредственного ощущения реальной жизни».

А в своей речи, произнесенной в 1921 г., Бернард Шоу говорил о Л. Н. Толстом: «Его прикосновение обладает такой разрушительной силой, — если он хочет разрушить, — как ни у одного писателя. Его романы демонстрируют это вновь и вновь... Судья собирается на заседание суда, чтобы водвориться там в качестве божественного правосудия и отправлять своих ближних на каторгу. Толстой не усугубляет эту ситуацию — он не позволяет себе и бровью двинуть, и в глазах у него нет ни искорки смеха; но он упоминает, что прежде чем выйти из комнаты, судья делает несколько гимнастических упражнений. И вот судья уже втоптан в грязь... Этот убийственный, но по существу комедийный принцип свойствен пьесам Толстого, за исключением «Власти тьмы», которая представляет собой в целом настоящую трагедию. Его «Плоды просвещения», появившиеся задолго до пьес Чехова, первое произведение о домах, где разбиваются сердца, и самое разрушительное. Он прикасается своим пером к гостиной, кухне, к половику у входной двери, к туалетным столам наверху. Они увядают как сад Клингсора по знаку Парсифаля. Живой труп еще живет, как большинство прекрасных джентельменов. Но дворянство как институт повержено в прах. Как многие другие пророки (<...>) он проповедует, не отыскав истинного выхода, но его творчество обладает большой социальной силой; как мастер трагикомедии он показывает нам убогость и абсурдность горделиво-прадной жизни, ради которой мы жертвуем честью и счастьем наших ближних».

По сей день безгранична популярность А. П. Чехова в Англии. Известный английский актер Лоренс Оливье сказал о нем: «Все мы в известной степени расцениваем его произведения как важнейший этап в развитии театра, а его самого как пророка, предвестника той новой школы, которая определяла наше миросозерцание и самую сущность современного театра». А вот что пишет Джон Стайен в своей книге «Чехов на сцене», выпущенной в 1971 г. Кембриджским университетом: «Как всякий великий театр, театр Чехова останется живым и самообновляющимся с каждой новой постановкой. Мы всегда увидим что-то новое в Чехове, так же как мы видим в Шекспире». А за год до выхода этого исследования в Лондоне появилась книга Джона Пристли «Чехов», в которой говорится: «Чехова можно оценивать с разных сторон, но ни один человек, способный читать, не может сомневаться в его собственном поэтическом слухе. Одни писатели могли обладать такой же острой наблюдательностью, как и он, другие могли иметь столь же богатый социальный опыт, еще какие-то могли быть наделены его широкой сострадательностью, нежностью по отношению ко всем истинным страдальцам. Но в ком еще все это соединилось с таким абсолютным чувством (равным гениальности; об этом нужно сказать и это легко проглядеть) обстановки, атмосферы, ситуации, характера? И на все это у него затрачено наименьшее количество необходимых средств. Итак, на одном полюсе — научный подход и метод, на другом — самая чуткая антенна в русской литературе. По утрам он мог бесплатно вскрывать нарвы у мужиков, днем — планировал сад, библиотеку, школу, а ночью писал маленький шедевр. Все это делалось, с мягким юмором и состраданием, без догматизма и скрывающего теоретизирования... Это был образец человека нового типа; но модель разбилась, прежде чем нашему слепому и бездумному столетию исполнилось пять лет».

Большой популярностью пользуются в Англии произведения А. А. Блока. Их переводы многочисленны, в различных изданиях появилось большое количество статей, посвященных различным этапам творческой биографии поэта. В недавние годы вышли в свет пять книг о нем. Первая из них — ее автор Сесил Кила — называется «Александр Блок, пророк революции». В ней превосходно охарактеризована высокая гражданственность его поэзии. А в 1980 г., к столетию со дня рождения Блока, Оксфордский университет вынул весьма содержательную двухтомную монографию «Жизнь Александра Блока», написанную Аврил Пайман, которая является лучшим в Англии знатоком творческого пути нашего великого поэта.

Существует множество восторженных высказываний английских писателей и публицистов о творчестве А. М. Горького.

В 1916 г. Бернард Шоу просил Горького, «самого выдающегося писателя России», участвовать в книге памяти Шекспира, посвящаемой 400-летию со дня смерти великого драматурга.

В марте 1928 г. Джон Голсуорси отправил следующую телеграмму Алексею Максимовичу: «Я позволю себе принести дань восхищения и уважения великому русскому писателю Максиму Горькому по случаю шестидесятилетия со дня его рождения. Желаю ему еще много лет здоровья и счастья, и пусть еще долгие годы читаются его исполненные силы произведения».

В связи с сорокалетием литературной деятельности Горького, в сентябре 1932 г., Бернард Шоу напечатал статью, где говорилось:

«Количество писателей, произведения которых получают известность за границей, очень невелико. Горький один из них. Перед революцией, в XIX в., в Англии из русских писателей вызвали сильный интерес сперва Тургенев и Толстой, затем Достоевский и, наконец, Горький и Чехов. Из этих писателей только Горький нарисовал путь революции».

Далее Шоу отмечает, что Горький знал Россию «лучше, чем другие писатели, чем писатели-дворяне, знал ее изнанку, ее темные пучины. Картина, нарисованная им, была мрачнее, но она подлинно отображала действительность, будучи работой пролетарского писателя (...). Его герои делали свою работу, они не болтали, они стремились к жизни, а не к наводящему уныние ничтожному прозябанию (...). Короче говоря, герои Горького несли в себе революцию, и потому книги Горького были книгами расцвета, а не вещанием страшного суда».

Вот как откликнулся Герберт Уэллс в 1936 г. на кончину А. М. Горького: «Отшла в вечность еще одна из великих фигур, выдвинутых революционным процессом в России. Скончался мировой писатель. Его произведения остаются непревзойденными шедеврами. Но значение Горького не исчерпывается художественной литературой в собственном смысле слова. Горький играл большую роль в том, что может быть названо «политикой сознания».

В 1954 г. прозаик, поэт и критик Джек Линдсей выразил чувство «преклонения перед Горьким, великим писателем и человеком, открывшим в литературе эпоху Нового Человека».

Романист и публицист Джеймс Олдридж, выступая в печати со статьей о В. В. Маяковском, говорил:

«Мое поколение пришло на смену поколению, к которому принадлежал Маяковский. Его творчество наложило большой отпечаток на английскую современную литературу и английского читателя. Для нас он всегда был и остается одной из звезд первой величины мировой литературы... Потрясающая сила этих стихов, личность самого поэта, с такой гордостью и радостью говорящего о своем советском гражданстве, о своей молодой Родине, не могли никого оставить равнодушным. Его произведения переводились и издавались в Англии много раз. Я могу сказать, что Маяковского сейчас знают и любят в нашей стране все больше и больше. Особенно нравится его творчество нашей молодежи... В эпоху подъема классовой борьбы молодых привлекает героико-романтическая поэзия Маяковского, им близки присутствующие в ней дух юности, борьбы, желание победы. Для меня лично все творчество Маяковского представляется ярким и стойким цветком, выросшим на почве Великой революции. И нам, на Западе, нужны такие герои и такая литература, как у Маяковского».

В заключение хочется привести слова, которые, обращаясь к русским людям, сказал в 1916 г. Джон Голсуорси: «Русская проза ваших мастеров — это самая мощная животворная струя в море современной литературы».

Мы привели здесь лишь малую часть высказываний выдающихся деятелей английской культуры о классиках русской литературы. Такого рода высказывания могли бы составить большую книгу.

Печатаемый в данном томе труд Михаила Павловича Алексеева является первым капитальным превосходнейшим исследованием о русско-английских литературных связях начиная с первых встреч и кончая серединой XIX в. Любая из восьми глав этого труда вполне может быть названа монографией. Таким образом, в данном томе

содержится восемь своего рода монографий, в каждой из которых множество неизданных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

На протяжении всех пятидесяти лет существования «Литературного наследства» редакция неоднократно обращалась к теме взаимосвязей русских и иностранных писателей. Более того, нам часто удавалось получить из-за рубежа фотографии интереснейших неизданных материалов по истории русской культуры, а порой и самые автографы великих отечественных писателей, а также большие архивные фонды, которые по их использованию в нашем издании передавались в лучшие рукописные хранилища Советского Союза.

Кратко напомним о некоторых такого рода томах «Литературного наследства», посвященных взаимосвязям русской и зарубежных литератур или тех, в которых впервые были обнародованы творческие и эпистолярные автографы русских писателей, хранящиеся в Западной Европе и в США.

Так, в 1932 г. вышел фундаментальный том, посвященный многогранной теме «Гете и русская культура» (№ 4—6). В 1937—1939 гг. появились три капитальных тома нашего издания (№ 29—30, 31—32, 33—34) — «Русская культура и Франция». Украшением этих томов были исследования Ю. Н. Тынянова «Французские отношения В. К. Кюхельбекера», Л. П. Гроссмана «Бальзак в России», С. Н. Дурылина «Г-жа де Сталь и ее русские отношения», а также «Александр Дюма-отец и Россия», М. П. Алексеева «Виктор Гюго и его русские знакомства». Весьма содержателен том 75-й (в двух книгах) — «Лев Толстой и зарубежный мир».

О том, как зародилась свыше сорока лет назад идея создания тома, посвященного русско-английским литературным связям, рассказывает автор этого труда в своем ниже печатаемом предисловии.

О достоинствах труда М. П. Алексеева уже говорилось выше. В дополнение к этому можно привести несколько отрывков из отзывов, данных рецензентами, когда исследование М. П. Алексеева находилось еще в машинописи. Вот что писал М. В. Урнов: «Только один человек и мог создать этот труд — Михаил Павлович Алексеев. Крупнейший знаток своего предмета, он исследует в историко-биографическом аспекте личные взаимоотношения писателей, их переписку, непосредственное окружение, круг чтения. Без работ М. П. Алексеева ни проблема влияний, выясняемых обычно в силу старинного правила, гласящего, что «идеи носятся в воздухе», ни типологические сопоставления не могут быть изучены основательно. В труде М. П. Алексеева обследован огромнейший материал, выявлено, изучено и прокомментировано, кажется, все, что представляет хотя бы малейший интерес в конкретных сферах русско-английских литературных связей: «Первые литературные встречи» (глава I), «Ранние истолкователи русской поэзии» (глава II), «Джон Бауринг и его «Российская антология» (III), «Вальтер Скотт и его русские знакомства» (глава IV), «Байрон и русская дипломатия» (глава V), «Московские дневники и письма Клер Клермонт» (глава VI), «Пушкин и английские путешественники» (глава VII), «Томас Мур и русские писатели XIX века» (глава VIII).

По этим конкретным темам представлено то, что вовсе не было предметом рассмотрения, а также то, что было освещено, бегло и вне контекста, или истолковано неточно... Масса документов и разносторонних фактов вводится в научный оборот впервые. Каждый документ, имеющий значение факт прокомментированы, сопровождаются пояснениями, справками, примечаниями». Завершается отзыв словами: «Исследование М. П. Алексеева, подготовлено в итоге многолетнего труда, войдет в основной фонд нашей литературной науки и будет одним из самых содержательных в известной своей насыщенности серии «Литературного наследства».

Высоко отозвался об одной из глав исследования член-корреспондент Академии наук СССР Д. Д. Благой: «В своей интереснейшей работе «Пушкин и английские путешественники в России» академик М. П. Алексеев поднимает и вводит в поле зрения исследователей целый новый, почти не привлекавший к себе внимания и потому недооцененный, как вообще, так и в особенности, в непосредственной связи с жизнью и творчеством Пушкина, пласт в истории русско-европейских культурных отношений пушкинской поры... В результате возникает очень полная и яркая картина, освещаю-

шая еще одну оставшуюся доселе в тени страницу в личной и творческой биографии Пушкина и в знакомстве с его личностью и его произведениями за рубежом.

Мы с признательностью вспоминаем выступление М. П. Алексеева в 1956 г. на заседании Ученого Совета Института русской литературы в Ленинграде, посвященном 25-летию «Литературного наследства». Подчеркивая, что весьма часто наша редакция сама выявляет неизданные материалы, передает их исследователям для трудов, предназначенных к напечатанию в «Литературном наследстве», всячески помогает своим авторам, Михаил Павлович далее говорил: «Очень интересно отметить, что эта новая форма организации работы свойственна только редакции «Литературного наследства» — ни одна редакция до сих пор не вмешивалась активно в творческий процесс отдельных ученых так, как это имеет место здесь. Редакция не только заказывает статьи, но оказывает широкую помощь автору, выписывает материалы, находит материалы, дает материалы, наталкивает на новые, чрезвычайно содержательные источники... И если бы не эта помощь редакции, то многие статьи, которые даны в «Литературном наследстве», не получили бы их нынешней формы».

Все здесь сказанное в полной мере относится к печатаемому в данном томе исследованию М. П. Алексеева.

Редакция глубоко скорбит, что труд М. П. Алексеева — лучшая, наиболее фундаментальная из его исследовательских работ — выходит в свет после кончины автора, выдающегося литературоведа, чье имя почтительно произносится филологами во всем мире.

В работе по подготовке этого тома приняли деятельное участие К. П. Богаевская, А. В. Лавров.

Глубокую признательность мы приносим М. И. Перпер, которая провела очень большую работу, осуществив в этом томе тщательную проверку всех иностранных текстов и цитат.

Редактор тома *И. С. Зильберштейн*